

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

РУКОПИСНАЯ И ПЕЧАТНАЯ КНИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1975

Задачи изучения связи рукописной книги и печатной

Д. С. Лихачев

История книги едина. Она в целом не может быть разбита на две обособленные истории: историю рукописной книги и историю печатной книги.

Книги Ивана Федорова (и особенно «Апостол») настолько совершенны, что не может быть сомнения, что перед нами не молодое, а зрелое искусство книги. Оно зрелое — по изяществу шрифта, формата, художественного декора, композиции страницы, по совершенству и продуманности текста, его орфографии и т. д. Создавали первые русские книги люди, хорошо знавшие и ценившие их, знавшие — что им следует достигнуть в новом для них виде производства книги.

Если мы сравним федоровские и дофедоровские печатные издания, то с уверенностью можем сказать, что Федоров в своих изданиях не только шел вперед, но и возвращался к лучшим образцам рукописной книги.

Совершенствуя свою технику, Федоров как идеал видел перед собой лучшие рукописи своего времени — их декор, их шрифт, их четкие и прочные чернила, их удобнейшие форматы, их даже «исправленные тексты».

Я говорю это вопреки установившемуся мнению, что первопечатные издания были вызваны необходимостью преодолеть недостатки рукописной книги: неисправность текста в первую очередь.

Первопечатные книги не стремились отойти от рукописей, а напротив, приблизиться к лучшим рукописям, но в новой технике. И это очень важно.

Это единство развития книги подчеркивает в своих работах А. А. Сидоров. Еще в 1946 г. в «Истории оформления русской книги» он пишет: «Первые наши печатники стремились сделать печатные книги как можно более близкими к рукописным. Было уже давно замечено, что в издательских кругах того времени встречалась даже тенденция выдавать печатные книги за выполнение от руки; таким прочным оставался по традиции авторитет нашей рукописной книги»¹.

¹ А. А. Сидоров. История оформления русской книги. М.—Л., 1946, стр. 52.

Но единство развития не есть отсутствие различий. Печатная книга отнюдь не являлась простым перенесением в новую технику рукописных принципов. Она внесла решительные изменения в книгу. Эти изменения шли по линии усвоения общеевропейского опыта: не немецкого или итальянского, а именно общеевропейского. Это усвоение не порывало с русским рукописным опытом, а преобразовывало и усовершенствовало те принципы, которые традиционно были свойственны русской рукописной книге. И опять-таки здесь принципиально важные положения принадлежат А. А. Сидорову.

В статье 1964 г. Сидоров пишет: «Иван Федоров создал в своих двух Апостолах и Часовниках поразительные по уверенности гравюрные преобразования щедрого дара великой эпохи, в которой наряду с Возрождением расцветала и поздняя готика и все еще неумирающий византизм. Ни «итальянского», ни «немецкого», ни какого еще иного «влияния» или «теории» не надо нам. Но ясными и вдохновляющими нас, потомков, своим богатством представляются нам теперь культурные связи старой Москвы — в век молодости ее! — со всем почти миром»².

А. С. Зернова, как мне представляется, несмотря на отдельные ошибочные утверждения, нашла очень убедительный пример того, как общеевропейские традиции и влияния преобразовывались в первопечатных изданиях в духе эстетических традиций рукописной книги. В своем исследовании «Начало книгопечатания в Москве и на Украине» А. С. Зернова писала: «Форма заставок Ивана Федорова свойственна русским рукописям, но, взяв прежнюю русскую форму, он вставил в нее немецкий узор³, может быть, как уже указано, не впервые, а по примеру рукописей. Рельефность рисунка, которая характерна для орнамента Апостола, не встречается ни у каких его предшественников ни в рукописях⁴, ни в анонимных изданиях». Эта рельефность — в орнаменте рукописных заставок старопечатного типа⁵.

Резюмируя те обильные наблюдения, к которым приходят за последнее время исследователи связей русской первопечатной книги с рукописной, мы могли бы сделать вывод: в своем развитии, начиная с XI в., русская книга постоянно использовала опыт зарубежной книги, особенно византийской и южнославянской. Этот опыт зарубежной книги приходил к нам иногда бурными потоками, целыми огромными массами. Такова, например, была эпоха второго южнославянского влияния в XIV и XV вв.

² А. А. Сидоров. Узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания. — «Книга. Исследования и материалы», сб. 9. М., 1964.

³ Теперь можно думать — не только немецкий, но и итальянский. — Д. Л.

⁴ Это ошибочно. Рельефность в рукописных орнаментах встречается в первой половине XVI в. и подготавливает собой рельефность старопечатного орнамента. — Д. Л.

⁵ А. С. Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, стр. 39.

Но русская книга, усваивая этот опыт, продолжала, однако, непрерывность и внутреннюю закономерность своего развития.

Середина XVI в. с появлением книгопечатания явилась новой эпохой «лавинообразного» влияния Запада, — на этот раз еще более широкого. И тем не менее, русская книга не прервала своего естественного, единого развития. Усваивалось то, что соответствовало собственным законам развития книги, что отвечало эстетическим принципам всего русского (вернее восточнославянского — украинского и белорусского также) эстетического и собственно книжного опыта.

Такой новый и широкий взгляд историков книги, определившийся в работах по началу русского книгопечатания, требует новых больших исследований и нового подхода.

*

В последние четыре десятилетия в литературе о начале русского книгопечатания приведены разнообразные наблюдения, помогающие нам выяснить отдельные спорные вопросы начала русского книгопечатания, высказаны различные мысли, предположения, гипотезы, часть из которых естественно отпадает, оставляя место для наиболее вероятных, разумных, не вызванных конъюнктурными соображениями. Следует также отметить и значительный прогресс в области самого подхода к проблеме и в постановке отдельных вопросов.

Прогресс этот может быть определен следующим образом. Вопрос о начале русского книгопечатания рассматривается сейчас в связи со смежными явлениями культуры — в контексте эпохи, в контексте развития культур, в контексте развития искусства, литературы, в контексте общего развития книги — европейской и русской. Прогрессивность в подходе к проблеме начала русского книгопечатания была четко определена в новаторском сборнике, изданном в 1935 г. Институтом книги, документа и письма Академии наук СССР — «Иван Федоров — первопечатник». Особенно четко это прозвучало в двух основных статьях — академика — А. С. Орлова «К вопросу о начале печатания в Москве» и рано умершего талантливого исследователя И. В. Новосадского — «Возникновение печатной книги в России».

А. С. Орлов первым начал рассматривать русское книгопечатание в ряду явлений истории русской культуры XVI в. Он подошел к книгопечатанию как к одному из «обобщающих» или (по позднейшей терминологии) «централизаторских» предприятий Ивана Грозного, таких, как Стоглав, Домострой, Лицевой свод, Великие Четьи Минеи и мн. др.

В статье И. В. Новосадского книгопечатание рассматривается как часть «культурной политики» Грозного, как часть истории образованности, как ступень в истории исправления книг, улучшения дела переводов. Книгопечатание, согласно Новосадскому,

отвечало «потребности в книгах» в связи с присоединением к Русскому государству двух царств — Казанского и Астраханского, в связи с политикой централизации и унификации средств идеологического воздействия. Несмотря на налет «вульгарно-социологической» терминологии, исследование И. В. Новосадского явилось началом широкого исторического подхода к изучению первых лет русского книгопечатания.

В сборнике «Иван Федоров — первопечатник» четко определен подход к книгопечатанию как к явлению истории русского искусства (статья А. И. Некрасова «Первопечатная русская гравюра»). Подход этот оказался в дальнейшем чрезвычайно плодотворным, позволил связать историю книгопечатания с историей русской рукописной книги в единое целое⁶. И здесь особую роль сыграли работы А. А. Сидорова, посвященные искусству книги, интересные тем, что, даже не касаясь первоначально вопроса о начале книгопечатания, они позволили подойти затем к началу книгопечатания как факту истории русского искусства. Такова первая работа А. А. Сидорова, в которой он уделил большое внимание началу русского книгопечатания: «История оформления русской книги» (М.—Л., 1946).

Итак, первыми «расширениями темы» начала русского книгопечатания явились исследования, связавшие историю книгопечатания с историей России в целом (И. В. Новосадский), с историей русской культуры (А. С. Орлов), с историей русского и мирового искусства (А. И. Некрасов и А. А. Сидоров).

Контекст эпохи, контекст культуры, контекст истории русского искусства вскоре был дополнен более частными контекстами: контекстом истории техники, контекстом истории исправления книг, контекстом развития русской литературы и даже контекстом развития русской общественной мысли.

Упомяну некоторые работы по началу русского книгопечатания, которые кажутся мне особенно важными в истории подхода к изучению начала русского книгопечатания.

Вслед за А. С. Орловым и И. В. Новосадским в широкий исторический контекст поставили начало русского книгопечатания работы М. Н. Тихомирова: «Начало московского книгопечатания», «Начало книгопечатания в России».⁷

Только в результате широкого подхода к началу книгопечатания М. Н. Тихомирову удалось нащупать и такую интереснейшую частную тему, как тема о роли церкви Николы Гостунского в общественно-политической жизни середины XVI в. и обратить внимание на связь этой церкви с книгопечатанием.

⁶ Общий подход в статье А. И. Некрасова необходимо отделить от целого ряда ее ошибочных выводов. В данном случае мы их не рассматриваем.

⁷ Уч. зап. МГУ, вып. 41. История (т. I). М., 1940; сб. «У истоков русского книгопечатания». М.—Л., 1959.

Работы Г. И. Коляды по анализу текста первопечатных книг (главным образом федоровских — Апостола и второго издания Часовника)⁸ ясно показывают, что над текстом печатаемых книг велась большая и кропотливая работа. Об этой работе догадывались и предшествующие исследователи. Особенно настойчиво об этом говорил и писал А. С. Орлов. Но правку федоровских изданий надо непременно изучить и сопоставить с правкой и «исправлением книг» предшествующего времени. Предстоит огромная работа, которую нельзя выполнить одному исследователю — даже самому трудолюбивому. Зато изучение всей системы исправления книг в России, начиная с XIV в., даст чрезвычайно важный материал для лингвистов, литературоведов и больше всего, конечно, для историков книги. История первопечатных изданий будет поставлена в ряд истории книги вообще и при этом в части самой важной для книги — в истории книжных текстов.

История книги — это не только история оформления книги, техники создания книги, история ее общественного и культурного значения, история ее внешней судьбы, но это — и история книжных текстов, история отношения к тексту писцов и печатников, история разных приемов «исправления книг».

Техническим и социально-экономическим предпосылкам начала русского книгопечатания посвящены интересные работы Б. В. Сапунова, и, в первую очередь, его диссертация «Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России»⁹.

Все эти «контекстные» работы позволили Е. Л. Немуровскому создать обобщающий труд «Возникновение книгопечатания в Москве» (М., 1964), в котором контекст эпохи рассмотрен наиболее широко (ср. особенно разделы его книги: «Социально-политические предпосылки», «Западноевропейская традиция», «Начало славянского книгопечатания», «Материально-технические предпосылки. Рукописная книга»).

Говоря о необходимости изучения истории книги в контексте эпохи, истории общественной мысли, в контексте истории техники, истории культуры, истории письма и пр., я имею в виду именно то, что А. А. Сидоров называет «диалектическим изучением книги», подчеркивая необходимость изучения книги «во всех ее связях, контактах с другими отраслями знания, творчества и производства, и в единстве всей этой «периферии» с тем, что в книге является ее спецификой, ее стержнем, ее основным звеном»¹⁰.

Выделяя работы, в основе которых лежит подход «контекста», я этим отнюдь не хочу умалить те работы, в которых превосходно

⁸ Г. И. Коляда. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961; Иван Федоров первопечатник. Диссертация на соиск. степени доктора филологич. наук. М., 1961.

⁹ Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954.

¹⁰ А. А. Сидоров. Советская история книги. — «Книга. Исследования и материалы», 1967, сб. 15, стр. 170.

решены частные вопросы истории русского книгопечатания и русской книги. К ним относятся многие исследования А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой, Т. Н. Каменевой, А. Гераклитова, Г. И. Коляды, Дж. Симмонса и авторов, которые обогатили и «подход контекста» — А. А. Сидорова, Е. Л. Немировского, А. Х. Горфункеля и др.

Значение исследований частных вопросов и необходимость частных наблюдений не может быть поставлена под сомнение или умалена.

Какие же широкие «контекстные» исследования предстоят нам в изучении начала книгопечатания?

1. Прежде всего следует указать на необходимость исследования текста первопечатных книг в свете приемов и способов исправления книг в России. Этой темы отчасти касался в своих интересных работах Г. И. Коляда. Но сделанного им недостаточно. Исправление книг в России началось еще в конце XIV в. Исправлением книг — их текста, правописания, даже почерка — занимались в XIV в. деятели южнославянской письменности в Болгарии и Сербии. Под их влиянием стали исправлять переводы и тексты книг и их русские ученики на Афонѣ, в монастырях Болгарии и в Москве, в Новгороде. Упомяну пропавший «Чудовский Новый Завет» митрополита Алексия¹¹. Русские первопечатные тексты должны быть изучены в «контексте» исправления книг, предпринятого в Новгороде Геннадием, в Москве Макарием, Максимом Греком и пр.

Исправление книг на разных этапах русской книжности понималось по-разному и имело своеобразное развитие. То это было исправление переводов, то исправление языка, орфографии и графики, то исправление смысла в соответствии с установлениями церкви и т. д. К исправлению книг был различный подход.

История исправления книг в России позволила бы нам точнее и шире понять ту правку текста, которая была предпринята для федоровских изданий.

2. Было бы крайне важно детально рассмотреть шрифты дофедоровских и федоровских изданий в свете истории письма.

За основу федоровского шрифта был взят несомненно каллиграфический полуустав, но какой его вариант? Установление ближайших аналогов федоровским и дофедоровским шрифтам в рукописных книгах помогло бы сблизить начало книгопечатания с определенной средой и определенным временем.

В XVI в. существовали различные книгописные мастерские, которым были свойственны и определенные почерки. До сих пор почерками XVI в. никто детально не занимался. Когда почерки XVI в. будут исследованы, можно будет сделать и довольно точные выводы о том, к каким из книжных кружков были ближе всего русские книгопечатники.

¹¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII вв. СПб., 1903, стр. 29.

Можно будет точнее сказать: с Новгородом или Москвой связаны дофедоровские издания. Связаны ли федоровские издания с кругом лиц, писавших Лицевой свод или каким-либо другим.

3. Требуют своего изучения дофедоровские и федоровские издания в свете истории русской орфографии.

Еще А. С. Орлов обратил внимание на существование в середине XVI в. в Москве двух законченных орфографических систем: болгарской (с болгарской акцентовкой) и русской, четко выраженной в московских книгах, связанных с деятельностью митрополита Макария. Эта последняя система по наблюдениям А. С. Орлова была принята и в изданиях Ивана Федорова¹².

Но этого важного наблюдения недостаточно. Что значит «болгарская орфография в Москве»? Южнославянская орфографическая реформа на русской почве очень мало изучена, как не изучена совершенно и так называемая «московская орфография», прошедшая через школу южнославянского влияния. Нельзя ли орфографию дофедоровских и федоровских изданий уточнить и связать с определенными кругами книжников?

4. Исследователи выясняли происхождение первопечатного орнамента, видя в нем то итальянское, то немецкое, то южнославянское, то западнославянское происхождение, то смешанное происхождение, а иногда и русское. Не были, однако, исследованы только самые эстетические принципы орнамента в первопечатных книгах, функция орнамента: его расположение на странице и относительно текста, связь с вязью — специфически русским явлением, соотношение с полями и обрамление орнамента (на последнее обратила внимание, как уже упоминалось, только А. С. Зернова).

Между тем именно здесь — в построении страницы, в пропорциях орнаментального пятна и в наличии традиционных способов обрамления — очевидная связь первопечатной орнаментики с рукописной книгой. Очень важный момент — эстетические принципы орнамента. Обращу внимание на следующее. Травный характер орнамента продолжил искания русских орнаменталистов в области растительного орнамента. Следовательно, зарубежные образцы потому и были приняты, что они отвечали собственным внутренним закономерностям развития русского орнамента.

То же самое можно сказать о рельефности русского первопечатного орнамента. Искания рельефа были разнообразны, и они появились в Новгороде и Москве задолго до Федорова.

Некоторые из исследователей первопечатного орнамента писали о том, что новостью была рельефность первопечатного орнамента, но это неверно.

Следовательно, орнамент первопечатных книг также требует своего изучения в контексте истории русского орнамента и художественных «исканий» XVI в.

¹² А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве. — «Иван Федоров — первопечатник». М.—Л., 1935, стр. 21.

5. Предстоит шире изучить деятельность Ивана Федорова на Украине и в Белоруссии в свете «украинского и белорусского контекста» — истории украинской и белорусской культуры, вероисповедной полемики, истории украинского и белорусского искусства и т. д. До сих пор таких широких рамок, которые созданы исследователями для деятельности первопечатников в России, — белорусская и украинская деятельность Ивана Федорова не имеет.

В контексте эпохи должен быть понят и самый переезд Ивана Федорова на Украину. Можно было бы на десятках примеров показать, что переезды типографов, ремесленников, художников были нормальным явлением в ту эпоху. Типологически близкие явления мы имеем в деятельности печатников Чехии, Белоруссии, Польши, Германии и т. д. Напомню о том, как меняли места своего пребывания Швайпольт Феоль (из Кракова в Венгрию), Макарий (из Цетинье в Румынию), Франциск Скорина (Полоцк, Прага, Вильнюс, снова Прага) и т. п.

*

А. А. Сидоров говорит о «вселенной рукописной и печатной книге», о «галактике Гутенберга». Действительно, книгу можно рассматривать как некий микрокосмос.

История книги, если ее рассматривать широко, контекстно, а не только как историю книжного оформления, чрезвычайно важная часть истории культуры человечества.

Общение между собой народов, их культур совершается в первую очередь через книги, но и консолидация национальных особенностей культур также совершается прежде всего в книге.

В таком понимании истории культуры книги нет бреши между книгой рукописной и печатной. Изучение истории рукописной и печатной книги как некоего высокого единства чрезвычайно важно.

Я сказал «высокого» единства, и не оговорился. Единство действительно чрезвычайно высоко, так как высота искусства книги определяется высотой самой национальной культуры.

История книги — печатной и рукописной — едина на уровне национальных особенностей культуры: на уровне эстетических представлений народа, на уровне его книжных знаний, на уровне истории литературного языка, на уровне истории национальных филологических представлений и филологических работ и т. д.

Когда будет создан музей книги, а этот музей книги несомненно будет создан, так как это потребность советской культуры, — широкий культурный контекст книги будет в нем особенно ясен. Только так, в контексте истории культуры, можно изучать, экспонировать книгу и воспринимать ее историю.

